

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Милые семейные разборки

«Научная книга»

Серова М. С.

Милые семейные разборки / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Дочь немецкого предпринимателя Юлия сообщает частному детективу Евгении Охотниковой о звонках таинственного незнакомца, угрожающего ее отцу смертью. Названа даже символическая дата – 22 июля. Именно в этот день и гибнет отец Юлии. Кто стоит за этим преступлением? Мафия? Местные фашисты? А может быть, конкуренты по бизнесу? Однако открывшаяся истина настолько ужасна, что даже Жене, многое повидавшей в своей жизни, поверить в нее непросто....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Серова

Милые семейные разборки

Глава 1

– Солнышко, я совсем забыла, днем тебе звонила какая-то девочка.

Тетушка Мила с виноватым видом стояла в дверях моей спальни, держа под мышкой пухлый том американского детектива. Ее указательный палец, используемый в качестве естественной закладки, был погружен в безразмерный фолиант на глубину в полторы фаланги.

– Да? – рассеянно отозвалась я, нехотя отрываясь от экрана.

Собственно, фильм уже закончился. По темно-зеленой поверхности кинескопа уже бежали излишние для большинства простых смертных титры, сообщая имена и фамилии людей, занятых в производстве только что просмотренной мною новой версии «Ромео и Джульетты».

– И что же? Она перезвонит? – спросила я, выключив видик.

– Обещала около четырех, – виновато уточнила тетя Мила, – но сейчас уже почти пять, а я только теперь об этом вспомнила.

– Ну так ведь не перезвонила же, – пожалала я плечами. – Не волнуйтесь, тетушка, можете спокойно дочитывать свой детектив.

Сам факт появления тети Милы с недочитанным романом в руках был событием, не побоюсь этого слова, противоестественным.

Обычно, если она бралась за какой-нибудь боевичок, – а она бралась за него каждый вечер, – то никакая сила не могла поднять ее с кресла, пока текст не будет дочитан до самой последней строчки.

Такое времяпрепровождение для бывшей преподавательницы юридического института стало чем-то вроде мании. Вполне безобидной по нашим временам, если не считать расходов, обеспечивающих мою тетушку каждый вечер новым романом.

Впрочем, деньги она не считала. Хорошая пенсия плюс консультирование особо продвинутых дипломников, введение в курс сложных подводных течений, неизбежных для любого соискателя, позволяли моей тетушке расходовать деньги на любимое чтение.

Да и я иногда подкидывала ей из гонораров, так что тетушка жила в свое удовольствие, чему я была несказанно рада.

Что касается меня, то я тоже не была склонна отказывать себе в маленьких радостях.

Видеомания, захлестнувшая меня своей волной еще в перестроечную эпоху, крепла год от года и теперь, когда я приобрела наконец-то домашний кинотеатр, стала понемногу утихать. Утихать в том смысле, что больше одного фильма за вечер я не смотрела. А в прежние времена, бывало, сутками не отрывалась от экрана, чередуя классику с комедиями и мелодрамы с боевиками.

Собственно, и запас времени у меня был не в пример меньше, чем у тетушки Милы, несмотря на ненормированный рабочий день.

Это в стародавние советские времена подобное понятие предполагало возможность работать меньше, чем остальные. На самом же деле, при моем подчас безумном графике сорокачасовая рабочая неделя могла лишь присниться в каком-нибудь радужном сне, а уж о выходных, которые можно провести дома, мечталось, словно об отпуске за границей.

Я снова включила видик – настало время киноновостей по кабельному каналу. Уточнив рейтинг на эту неделю, я снова выключила видеоприставку и, сладко потянувшись, вопросительно посмотрела на телефон.

Если быть честной, то мне сейчас совершенно не хотелось отвечать на какие-то звонки, а тем более взваливать на себя очередную работу.

Отпуск – это, конечно, чересчур, но дней пять отдыха я все же могу себе позволить.

И тут, словно в ответ на мои мысли, настойчиво затрезвонил телефон.

– Да-да, – проговорила я в трубку, ожидая, что таинственная девочка станет сейчас загружать меня своими проблемами.

Я даже составила в уме некоторый предполагаемый список этих проблем. Ну что такого особенного может произойти у девушки столь юных лет?

Неудача на любовном фронте (проследить, с кем встречается ее парень). Таинственная пропажа дорогой губнушки где-нибудь в общежитии (то ли соседки сперли, то ли сама где-то посеяла – найдите, я заплачу). Небезосновательные опасения перед любовным свиданием (вы стойте за стеночкой, а если я заору, то ворветесь в комнату и надаете ему по мордам).

Весь этот спектр отнюдь не прельщал меня, да и не по деньгам было какой-то девчонке нанимать меня для подобных пустяков.

Мое время стоило дорого, но оно этого стоило. И на ерунду я не разменивалась.

– Я хотела бы поговорить с Евгенией Максимовной Охотниковой, – раздался в трубке осторожный, но настойчивый девчоночий голос.

– Вы уже делаете это, – заверила я. – Представьтесь, пожалуйста.

– Джуля, – отозвалась девочка. – Собственно, меня зовут Юлией, но для близких я – Джуля. Фамилию мне бы не хотелось называть по телефону.

– Ну и не называйте. Чем могу быть вам полезной? Учтите, что я берусь только за серьезную работу. Кто вам меня порекомендовал?

Джуля-Юлия назвала имя человека, которому я в свое время помогла разгрести кое-какие проблемы, угрожавшие безопасности его близких.

Это был некий Черданов – по советским временам «Черный маклер», по нынешним – просто маклер без обозначения цвета. Черданов знал всё и вся о рынке квартир, мог переселить кого угодно куда угодно, брал довольно большой процент, но всегда работал честно.

Я тяжело вздохнула.

Рекомендация, представленная Джулей, была достаточно солидной, и, если у девчонки на самом деле что-то стряслось, придется впрягаться.

– Мы могли бы с вами встретиться? – спросила Джуля. – Я могу подъехать к вам, или пересечемся где-нибудь на улице?

– Лучше в помещении, – предложила я. – Не хочу, чтобы меня сдуло вместе с вами, как Элли с Тотошкой в «Волшебнике изумрудного города».

Дело в том, что предположительно на этот вечер и на следующие два дня было объявлено штормовое предупреждение. После урагана в Москве нечто подобное ожидалось и в Поволжье, и наш город не сегодня-завтра мог оказаться в плену у бушующей стихии.

– Кафе «Глобус» вас устроит? – спросила Джуля. – Там подают очень вкусное мороженое с ананасами.

Мы договорились на семь сорок пять. Судя по тому, что Джуля уверенным голосом пообещала зарезервировать столик по телефону, я могла предположить, что девчонка из очень состоятельной семьи.

А это могло означать только одно – меня вряд ли бы стали беспокоить по пустякам.

Впрочем, у богатых свои причуды. То, что для обычных людей – проблема, для них пустяки. Но бывает и наоборот, как это ни парадоксально...

* * *

«Глобус» был довольно дорогим заведением, и только вход туда стоил около тридцати долларов. По меркам нашего города – это много.

Народ еще не привык, что за вход в заведение, где можно пообедать, нужно платить деньги. Ничего, потихоньку привыкнет.

Меня, впрочем, пропустили бесплатно. Когда я назвалась, метрдотель приветливо и уважительно кивнул и проводил меня к столику под пальмой в дальнем конце зала. Там меня уже ждала клиентка.

На вид Джуле можно было дать от шестнадцати до восемнадцати, но я прекрасно понимала, что она едва перевалила четырнадцатилетний рубеж. Просто в этом возрасте все хотят выглядеть постарше.

Осторожно пожав мою руку, Джуля посмотрела на меня так, словно я была показавшимся на горизонте кораблем, а она – пленницей необитаемого островка, единственной оставшейся в живых после кораблекрушения.

Разговор сначала не клеился. Джуля зачем-то стала рассказывать мне, как ей нравится бывать в «Глобусе» и что ее отец на прошлой неделе заключил контракт на переоборудование соседнего зала, чтобы приспособить его под детский уголок.

– Вы работаете по выходным? – спросила меня Джуля, зачерпывая ложкой огромную горку мороженого, но слизывая с нее по чуть-чуть.

Наверное, в детстве ее строго-настрого предупреждали: «Не застуди горло», а хотелось всегда ухватить побольше. Вот и выработалось компромиссное решение: и ложка полна, и за горло можно не беспокоиться.

– По выходным? – переспросила я. – Видите ли, Джуля, я сама себе хозяйка и могу устраивать выходные когда вздумается.

Сознаюсь, я отчасти лукавила. Выходные выдавались у меня довольно редко – положение обязывало, и я почти никогда не отказывалась от стоящей работы.

Я работала, что называется, на себя. Хотя, если бы меня попросили одним словом определить характер моей работы, я бы сначала задумалась, а потом послала бы спрашивавшего куда подальше.

Специалист широкого профиля – вот как можно было бы приблизительно обозначить мою деятельность. Диплом? Да его просто не было.

Я бросила вуз, не доучившись, но приобретенных там навыков и умений мне хватало до сих пор. Дотяни я лямку до конца – куковала бы сейчас где-нибудь в Голландии или в Америке, методически соблазняя бизнесменов и политиков и между делом вербуя их в свою агентуру.

Или бегала бы с винтовкой в центре Африки, свергая очередной неугодный режим и возводя на престол лояльную к российским интересам персону.

Именно такова была специфика моей учебы в закрытом московском институте и последующей стажировки в разведотряде «Сигма».

Да только вот интересы политиков менялись с невообразимой скоростью и зависели от того, какая группа влияния в данный конкретный момент оказывалась в непосредственной близости к власти. Когда я сейчас листаю газеты, то, ловя за строками международных сообщений твердую руку известного ведомства, я ни секунды не завидую своим бывшим сокурсникам.

Наверняка они вынуждены выполнять приказы, то и дело вступающие друг с другом в вопиющее противоречие. И это неудивительно – сильная разведка может быть только у сильной страны. А сейчас называть мою страну таковой, как бы это помягче выразиться – затруднительно.

И вот, когда я постепенно осознала, что безукоснительное выполнение приказа – закон номер один в нашем разведотряде – используется отнюдь не во благо государства, а всего лишь в интересах частных лиц, которые в данный момент стали сильными мира сего, я сочла за лучшее распрощаться с карьерой и покинуть Москву.

Так я приехала к тетке в Поволжье. Людмила – сокращенно Мила – приняла меня с распростертыми объятиями, и мы с тех пор живем под одной крышей.

Сначала я подрабатывала переводами и репетиторством – в институте нас поднатаскали по иностранным языкам, да и мои врожденные способности располагали к этому. Но вскоре жизнь моя круто переменялась.

Однажды, согласившись выполнить небольшое поручение: обеспечить безопасность солидного бизнесмена, я настолько хорошо справилась с этим заданием, что объект моей охраны устроил мне сногшибательную рекламу среди своих знакомых.

А поскольку в этой среде все всех знают, то ко мне время от времени стали обращаться с предложениями самые разные люди.

Дальше – больше.

Выступая в роли частного детектива, я выполняла сугубо конфиденциальные поручения разнообразных заинтересованных лиц. Эта работа позволяла обеспечивать нам с тетушкой достойное существование, снабжать Милу детективной продукцией, а себя – новинками видео.

Конечно, мое увлечение влетало в полновесную копеечку.

Не так давно я крепко законтачила с крутыми московскими ребятами, которые не только поставляли мне еще не вышедшую на экран американскую продукцию, но и умудрялись каким-то образом добывать прямо с монтажных столов рабочие варианты картин. Иной раз я шла след в след с режиссером и знакомилась с кинолентой еще до ее завершения.

Особенное удовольствие я получала, сравнивая окончательный вариант некоторых сцен, преимущественно постельных, с черновыми дублями.

– Хм, а ведь в предыдущем варианте Майкл Дуглас был сверху, – могла отметить я, наблюдая за перипетиями какого-нибудь душераздирающего триллера. – Да и бедра у героини были чуть более смуглыми и без родинки. Наверное, сменилась дублерша.

Разумеется, это было не совсем законно. Но я же не виновата, что у них в Америке так плохо поставлена система безопасности на кинопроизводстве. Могли бы и меня пригласить, в конце концов!

... Джуля выглядела какой-то потерянной и явно тянула резину. Мы загорали в «Глобусе» уже минут десять, а она так и не решилась хотя бы приблизительно обозначить причину нашей встречи.

Девчонка спросила меня, хочу ли я мороженого. Не дождавшись ответа, сделала заказ у официанта (большую порцию с ликером), потом, повернувшись ко мне, заверила, что оплатит все сама, и, наконец, поняв, что это звучит не совсем тактично, окончательно смутилась.

Надо было ей помочь.

– У вас что-то стряслось? – поинтересовалась я, отщипывая ложечкой кусочки слоистого десерта – мороженое, бэзе, варенье, ананасы, мороженое.

– О да! – серьезно ответила Джуля. – Вернее, не у меня. В общем... Я, право же, не знаю, стоило ли мне беспокоить вас.

– Как бы там ни было, вы уже это сделали, – улыбнулась я. – Давайте обойдемся без лишних эквивок и приступим к сути дела. Если окажется, что моя помощь не требуется, – тем лучше.

– Хорошо, – неуверенно согласилась Джуля. – Дело в том, что... Словом, я думаю, что моему отцу грозит опасность.

– Вот, это уже лучше, – похвалила я девушку. – Он у вас коммерсант?

– Откуда вы знаете?

– Вы же сами сказали, что он хочет переоборудовать здесь какой-то зал.

– Ой, правда! В общем, не так давно, где-то с неделю назад, когда папы не было дома, позвонил телефон. Я беру трубку, а там такой хриплый, мерзкий голос... – передернув плечами, произнесла Джуля. – Я думала, что такие голоса бывают только в ужастиках.

– Действительность куда кошмарней самых страшных фильмов, – машинально произнесла я. – И что же сообщил вам по телефону этот неприятный голос?

– Неприятный? Да у меня просто кровь стынет в жилах, когда я его слышу! – Джуля в сердцах бросила на скатерть ложечку. – После этого он звонил еще несколько раз.

– Вы не записывали текст?

Джуля отрицательно помотала головой. Ее темные кудряшки при этом подпрыгивали, как развившийся серпантин под легким ветерком.

– Даже в голову такая мысль не пришла. Сначала я выслушивала все до конца, а потом просто бросала трубку, уж больно противно...

– Вы можете воспроизвести по памяти то, что вам говорил звонивший?

Девушка решительно выдохнула, как перед прыжком с вышки в холодную воду бассейна, потом собралась с силами и медленно, глядя остановившимся взглядом прямо перед собой, начала говорить.

– Поганая немчур! Думаете, вам все можно? Приехали на нашу землю и грабите страну! Полвека назад мы вам показали где раки зимуют, можем и напомнить! Двадцать второго июня ожидайте сюрприза!

Джуля остановилась, вытерла пот со лба и, виновато улыбнувшись, снова принялась за мороженое. Ее худенькая рука, сжимавшая ложку, заметно дрожала. И Джуля едва не расплескала подтаявшую смесь.

– А сегодня уже двадцать первое, – задумчиво произнесла я.

– Вот именно, – отозвалась Джуля. – Поэтому я к вам и обратилась.

– Но почему вы? Почему не ваш отец лично? Ведь вы ему рассказывали об этих звонках?

– В том-то и дело, что нет, – тихо проронила Джуля, уткнувшись глазами в мороженое и медленно перебирая его ложкой. – Понимаете, у папы большое сердце и я не решилась его волновать.

– Ну хорошо, вы сами ничего не говорили. Но это мог сделать кто-то из домашних!

Джуля снова замотала головой. Она подняла на меня глаза и жалобно уставилась прямо мне в зрачки. Миндалевидный разрез ее черных глаз напоминал прозрачный чернослив с косточкой внутри.

– Я думаю, что отец ничего не знает, – наконец сказала она. – Этот гад, который звонил, обращался ко мне по имени и почему-то хотел говорить именно со мной. Он никогда не звонил в присутствии отца. И даже, когда один раз трубку взяла домработница, был настолько нахален, что попросил к телефону меня и только после этого выдал свой текст.

– А это значит, что звонивший в курсе распорядка дня вашего отца, – заключила я.

Отодвинув от себя вазочку с мороженым, я внимательно посмотрела на Джулю. Девушка выдержала мой взгляд не моргая.

– И еще кое-что, – добавила я, – этот человек хочет говорить о вашем отце именно с вами. Как вы думаете, Джуля, почему?

– Если бы я знала, вряд ли я обратилась бы к вам, правда?

– Резонно, – кивнула я. – Ну, раз так, давайте поговорим поподробнее.

Мы проговорили полтора часа. Уже унесли недоеденное мороженое, дважды мы заказывали кофе, и я выкурила несколько сигарет.

Джуля была достаточно откровенна со мной, на вопросы отвечала прямо и без смущения. То, что я узнала от нее о семействе Штайнеров, не содержало каких-либо сенсационных

подробностей, только чисто фактические сведения. Само по себе это не так уж и мало для начала, но мне пока что не удалось нащупать никакой зацепки.

Штайнеры были из поволжских немцев. Во время войны все семейство вместе с тысячами соотечественников отправили осваивать казахские степи.

Дед и бабушка Джулиного отца – Генриха Штайнера – погибли еще во время дороги, так и не увидев новые места, которые Советское государство выбрало для проживания целого народа, выдворенного из Поволжья.

Бытовые условия на месте ссылки были жуткими, но родители Генриха сумели выжить и даже худо-бедно со временем как-то обосноваться.

После тягот детского дома и ремесленного училища отец Генриха поступил на завод, где вскорости сумел выдвинуться в передовые рабочие, а потом начать медленно, но верно продвигаться сначала по профсоюзной, а потом и по административной линии.

К началу восьмидесятых он был уже инженером, а его сын Генрих, окончив школу с отличием, готовился поступать в педагогический институт.

Но тут грянула перестройка, завод стал потихоньку хиреть, потом рухнул Советский Союз, а первый российский президент недвусмысленно дал понять, что возможно воссоздание Республики немцев Поволжья.

Отто Штайнер не перенес таких резких перемен и скончался от сердечного приступа, а сам Генрих к тому времени успел похоронить мать, жениться и овдоветь – его супруга погибла в автомобильной катастрофе.

Видимо, будущий бизнесмен унаследовал от отца не только присущую немцам аккуратность и педантичность. Ему явно был не чужд дух авантюризма.

Иначе чем объяснить следующий его поступок – Генрих снялся с насиженных мест, продал дом и вместе с дочерью возвратился на родину предков. На родину в буквальном смысле, а отнюдь не в Германию, как можно было бы предположить.

Время летело стремительно, президент успел отказаться от идеи автономии, и Генриху пришлось начинать новую жизнь на пустом месте. Он быстро сориентировался в обстановке и сумел за несколько лет стать одним из самых богатых и уважаемых людей в городе.

Теперь Штайнеру уже не приходило в голову требовать назад утраченную собственность – дом отца, который по-прежнему стоял на другом берегу Волги и в котором жили совсем другие хозяева.

А о визите в администрацию района со своими претензиями на другой день после возвращения в наш город он теперь вспоминал с улыбкой.

Генрих сделал огромные деньги на бизнесе, который может показаться на первый взгляд достаточно легкомысленным, – на мягких игрушках.

Штайнер оценил ситуацию и вовремя понял, что самые выгодные денежные места уже распределены между старожилами. Он решил не перебегать дорогу большим людям с большими деньгами.

Проанализировав местный рынок, колебания спроса и предложения, Штайнер пустил в дело старые связи – в городе еще были живы люди, хорошо помнившие его деда, – и, получив солидный кредит, быстро выкупил у дышащего на ладан завода поролоновый цех и сумел переналадить производство на выпуск игрушек.

Слоники, мышки, кошечки и собачки быстро заполонили прилавки города и области. Эти игрушки выгодно отличались по цене, да и по качеству, от китайского ширпотреба и хорошо раскупались.

Вскоре Генрих Штайнер сумел вернуть кредит и заплатить немалые проценты. Его дела верно шли в гору – он умел не останавливаться на достигнутом и ежегодно обновлял ассортимент.

А тут как раз подросла горячая дружба с Германией. Умело разыгрывая козырную карту поволжских немцев, областное начальство извлекало из новой Германии все, что было возможно. Понятно, что такие люди, как Штайнер, очень даже пришлись ко двору. Последние годы его фирма процветала.

– Это хорошо, но как насчет конкуренции? – спросила я. – Ведь детские игрушки в нашем городе выпускаете не только вы.

Слоники – слониками, но это для ребятишек. А коммерсанты склонны рассматривать любую продукцию прежде всего как товар.

А где товар – там и деньги. А что бывает там, где деньги, – всем хорошо известно.

Но оказалось, что и тут все обстоит нормально, во всяком случае, по словам Джули.

Ее отец сумел поставить дело так, что его фирма и конкурирующие предприятия работали не во вред друг другу, а находились в постоянном тесном контакте. Проводились ежеквартальные совещания директоров, на которых вырабатывалась общая стратегия рынка.

– Может быть, в деле замешаны криминальные группировки? – продолжала я прощупывать почву. – У твоего отца были какие-нибудь неприятности в этой области?

Тут Джуля толком ничего не могла сказать. Я лишь уяснила, что на первых порах Штайнер столкнулся с неизбежным для любого предпринимателя рэкетом, но на новом историческом витке никаких «таких» проблем у него не было – ведь он находился в очень хороших отношениях с областным руководством, а лучшую «крышу» для коммерсанта трудно себе сегодня представить.

– То есть ты полагаешь, что это какие-то национальные дела? – подвела я черту под вопросами. – Странно, правда?

– Почему странно?

– Ну, – пожалала я плечами, – обычно на немцев это не распространяется. Мы здесь уже привыкли к особому отношению к так называемым лицам кавказской национальности. Народ подчас винит в своих бедах кого угодно, только не себя. «Ары», «азеры», чеченцы, само собой. Евреи, наконец. Но чтобы немцы?!

Джуля не нашлась, что ответить. Как я выяснила, девочку не очень-то занимал национальный вопрос. Вернее, она просто не задумывалась об этом.

Юлия Штайнер училась в самой дорогой частной школе нашего города. Цена за обучение была вполне сопоставима с московской – семьсот пятьдесят долларов в месяц, и это еще без учета музыкальных уроков, которые оплачивались отдельно. Зато сюда входила стоимость питания, надо думать, качественного, транспортных услуг и зарубежных стажировок – Джуля обучалась в немецком классе, и ей светила на будущий год двухнедельная поездка в Гамбург.

Понятно, что в таких условиях национальная вражда была неактуальной.

А какие-либо контакты с ровесниками из «простых смертных» Джуля наотрез отрицала. Папа был строг и держал ее в ежовых рукавицах. Она вынуждена была общаться только с детьми обеспеченных родителей.

– Тебя послушать – можно прослезиться от счастья, – иронически заметила я. – И все же ты пришла ко мне. И эти звонки в вашем доме раздаются. Так чего же ты от меня хочешь?

– Я боюсь, – честно призналась Джуля. – И за себя, и за папу. Завтра прилетает Людвиг, его партнер из Германии. Папа собирается устраивать большой прием. И ведь именно на завтра этот тип с хриплым голосом обещает какую-то поганку. Что мне делать?

– Рассказать обо всем отцу, – резонно предложила я. – Пусть примет соответствующие меры безопасности. У вас наверняка есть охрана.

– Да, конечно, – уныло кивнула Джуля. – Но это в фирме. Дома есть только Юсеф – папа вывез его из Казахстана вместе с Региной.

– Регина?

– Ну да, папина секретарша, они вместе в школе учились в Актюбинске.

– А Юсеф?

– О, Юсеф! Это, можно сказать, дух нашего дома. Что-то вроде умной и доброй сторожевой собаки. – Джуля тотчас же спохватилась. – Нет-нет, вы не подумайте, что я плохо к нему отношусь. Просто я успела к нему привыкнуть и как-то не воспринимаю его всерьез.

– Вот как? Почему?

– Юсеф – это мой личный охранник. В школу, из школы, на теннис, домой – вот и вся его работа. Конечно, я уверена, что, если вдруг кто-то вздумает на нас напасть, Юсеф будет биться как зверь. Но... видите ли, папа привык к тому, что у него нет врагов. У нас даже окна на первом этаже без решеток.

Допивая кофе, я пыталась сообразить, чем я могу помочь Джуле.

На первый взгляд все казалось чьей-то дурной шуткой. Ну узнал какой-то псих домашний телефон Генриха Штайнера, ну названивает.

Национализм? Новоявленные террористы с антинемецкими лозунгами?

Полный бред!

Сейчас, правда, в придачу к местной гопоте появляются какие-то скинхэды – бритоголовые, но даже если у них и существует какая-то примитивная идеология, то она явно ультраправого толка с примесью национал-социалистических идей. То бишь фашизма. Так что именно против немцев у них ничего быть не может. И уж они бы наверняка не стали заниматься банальным телефонным хулиганством.

Хотя национализм – это такая непредсказуемая штука, что невозможно предугадать, кто завтра окажется объектом общественной ненависти – украинцы, белорусы, немцы, татары? А ведь, по данным переписи населения, у нас в области живут даже ассирийцы!

Но вдруг и правда здесь что-то затевается? А я знала и не предприняла никаких действий? И я после этого смогу спокойно спать? Смотреть свой видик как ни в чем не бывало?

Думаю, именно этот последний аргумент сыграл решающую роль.

Смотреть свой видик с чистой совестью – что может быть приятней? Возможно, это звучит глуповато, но могу я, в конце концов, иметь право хоть на какие-то личные слабости?

– Я слышала, что вы дорого берете за свою работу, – без тени стеснения произнесла Джуля. – Если вас останавливает только денежный вопрос, то можете не волноваться – я вам заплачу. Папа недавно подарил мне тысячу долларов, и я не стала их тратить. Этого хватит?

– Вообще-то я не вступаю в сделки с несовершеннолетними. Только не обижайся, ладно? Тем более что в принципе я согласна.

– Правда? – обрадовалась Джуля. – Ой, а я-то думала, как мне вас уговорить?

– Считай, что уговорила. Теперь надо обсудить, что именно мы должны предпринять.

– Значит, так, – деловым тоном заявила Джуля, – я уже все обдумала.

– Да-а? – удивилась я. – И что же ты хочешь мне предложить?

– Я выдам вас за свою учительницу, – торжественно произнесла девушка.

– Это еще зачем?

– Понимаете, если я приду с вами к папе и скажу: папа, милый, тут какой-то тип звонит мне по телефону и говорит, что завтра с тобой что-то случится, то он лишь пожмет плечами. А если я добавлю, что привела детектива-охранника, пусть даже и даму, то... то я просто не знаю, как он рассердится. Вас уж точно выгонит, а меня не возьмет с собой в Москву на выходные – там у папы какая-то конференция.

– Да, это серьезное наказание, – усмехнулась я. – Но ведь в подобном случае на двадцать второе июня он останется без прикрытия.

– Совершенно верно! – поддержала меня Джуля. – А так вы все время будете рядом со мной, а я на приеме ни на шаг не буду отходить от папы.

– И как же ты объяснишь родителям появление своей учительницы на званом вечере?

– О, все очень просто! – заверила меня Джуля. – У нас проходит спецкурс по этикету, а папа всегда очень строг в этом отношении.

Тут она виновато усмехнулась и развела руками – ничего, мол, не поделаешь.

– Знаете, у него небольшой бзик на «культурности», – добавила Джуля. – Папа хочет, чтобы все было, как в лучших домах. И я скажу, что в школе проводится наблюдение за воспитанниками в естественных условиях – у нас такое уже бывало. То есть преподаватель проводит с ребенком целый день у него дома и следит за тем, как тот усвоил предмет. Понимаете?

– Позволь, но ведь прием будет вечером, я правильно поняла?

– Да, в четыре часа. У меня как раз заканчиваются занятия.

– Но как же я смогу обеспечивать безопасность твоему отцу в течение дня?

– Я еще не сказала вам, что последний звонок был особенным, – снова осунулась Джуля. – Он... он позвонил сегодня утром и сказал, что разделается с папой вечером, когда все будут виться вокруг «вашего дружка из Баварии» – так он выразился. Понимаете?

– Кто мог знать о том, что приезжает компаньон твоего отца и что прием назначен на четыре? – спросила я, начиная понимать, что все обстоит гораздо серьезнее, чем казалось на первый взгляд.

– Только свои, – ответила Джуля. – Папа, Регина, Юсеф. Ну и работники фирмы. Да вы всех их увидите на приеме. Ну так что?

Наконец Джуля меня уломала, и я согласилась. Но с одним обязательным условием. Если двадцать второго числа ничего серьезного не случится, я в тот же вечер раскрываю свое инкогнито.

Джуля долго упрашивала меня не делать этого, приводила какие-то наивные доводы, но я втолковала ей, что неизвестный может выбрать другой день и другое время, когда меня не будет рядом с ее отцом, и девочка вынуждена была признать мою правоту.

Мы договорились встретиться завтра в три. Джуля будет ждать меня у парадного входа в здание фирмы, и на мое имя будет выписан пропуск.

Когда мы с девочкой спускались из «Глобуса» по лестнице к выходу, Джуля вдруг замерла и крепко сжала мою руку.

Я заметила, что ее лицо мгновенно побледнело, как будто его вдруг засыпало снегом, а миндалевидные глаза расширились от ужаса.

– Что такое, Джуля? Что с тобой? – недоуменно спросила я.

В просторном прохладном холле, до которого осталось каких-нибудь пять ступенек, не было ни единой души, возле тяжелой мраморной двери – тоже, и я не могла понять, чего же так испугалась Джуля.

– Ты что-то вспомнила? Тебе стало плохо? Да отвечай же, ради Бога, только не молчи!

Проследив направление ее взгляда, я уперлась глазами в толстую черную точку как раз под циферблатом настенных часов.

– Это... бабочка, – пробормотала Джуля, еле разжимая губы.

– Ну да, ночная бабочка, – подтвердила я. – Ты что, их боишься?

– Д-да...

– Но ведь они не кусаются! Да и живут совсем недолго! Слушай, да приди же ты в себя! – дернула я ее за руку. – Тем более что она сейчас спит.

– Вы уверены? – дрожащим голосом спросила Джуля. – А вдруг она затаилась?

– Да нет же! – настаивала я. – Ну что, мы так и будем здесь стоять?

Джуля словно загипнотизированная на ватных ногах спустилась в холл.

Когда мы вышли на свежий воздух, она с облегчением вздохнула.

– Я понимаю, что это глупо, но ничего не могу с собой поделать. Когда я была совсем маленькая, то увидела бабочку в сильное увеличительное стекло. Это был ужас! У нее такие толстые усы! А лапы! Нет, это невозможно пересказать! Какие там монстры из ужастиков! Я

теперь перед сном тщательно проверяю свою комнату и если вижу бабочку, то зову Юсефа, и пока он ее не выгонит или не убьет, не захожу туда. Извините, что я так вела себя на лестнице, но это... это сильнее меня, – виновато улыбнулась Джуля.

– Что ж, бывает, – пожала я плечами. – У каждого есть своя страшная тайна.

– А вот и Юсеф, – Джуля помахала рукой человеку, который выглядывал из «двести тридцатого» серого «Мерседеса». – Ну все, я побежала! Так завтра в три! И не опаздывайте, очень вас прошу!

Девочка подбежала к машине, открыла дверцу и юркнула внутрь. «Мерс» медленно пока- тил к перекрестку.

Я не смогла рассмотреть Юсефа как следует. Заметила только, что на вид ему было лет пятьдесят и что лицо у него довольно добродушное.

Судя по тому, что охранник разрешил Джуле одной посетить кафе «Глобус», каким бы это место ни было спокойным, а сам дожидался ее в машине, Джуля была права насчет того, что он утратил бдительность.

Вряд ли при такой постановке дела Генрих Штайнер может чувствовать себя в полной безопасности. Особенно после того, что я сегодня услышала.

На повороте я слегка повернула голову и оглянулась на дверь кафе. Я вспомнила глаза Джули, неотрывно смотревшие на бабочку, и тотчас же мне пришло на память латинское название этого насекомого – «мортуум капут». В переводе – «мертвая голова».

Глава 2

Обещанный ураган в этот вечер так и не добрался до наших краев.

Я сидела на кухне и смотрела из окна на гору с телевышкой – как раз напротив нашего дома. Сначала даль заволокло закатными красками, потом атмосфера начала сгущаться, и небо медленно стало приобретать какой-то грязно-песчаный оттенок – сначала ярко-желтый, потом все темнее и темнее, пока наконец он не перешел в грязно-серый.

Ветер заметно усиливался, но вскоре стих так же неожиданно, как начался.

«Похоже, на сегодня шторм отменяется», – заключила я, задергивая занавески.

Пока я наблюдала за неудачной репетицией шторма, чайник успел остыть, и мне пришлось снова поджечь под ним газовую конфорку.

В поисках спичек я заглянула в комнату тети Милы – она частенько использовала спички в качестве закладок, а потом складывала их на тумбочку. Так было и на этот раз.

Тетушка Мила как раз добивала последнюю страницу сегодняшнего триллера.

Захлопнув книгу, она с облегчением вздохнула и провела рукой по лицу – как бы снимая пелену иллюзорной реальности, в которую была погружена часов шесть подряд, и возвратилась к действительности.

– Какие, однако, стали писать пухлые книги, – с неодобрением посмотрела она на только что захлопнутый том. – Прямо Уилки Коллинз какой-то. Я думаю, что это неправильно. Детективный роман должен читаться за один вечер. Подумай сама – ведь если я не смогу одолеть за день пятьсот с лишним страниц, то не узнаю, в чем же там дело. И какие сны мне будут после этого сниться?

– А если просидите глубоко за полночь, чтобы дочитать книгу, то утром встанете разбитая, и еще неизвестно, сможете ли с новыми силами приступить к очередному произведению, – поддакнула я, сгребая с ее столика «закладки», накопившиеся за неделю.

– Сто пятьдесят, пусть двести страниц – идеальный объем, – вздохнула тетя.

– Мой любимый размер, как говорил Пятачок, – улыбнулась я. – Кстати, об игрушках. Тетушка, вам не приходилось пересекаться с Генрихом Штайнером? Это предприниматель из сосланных поволжских немцев, который несколько лет назад вернулся сюда и теперь...

– Милочка, – укоризненно посмотрела на меня тетушка, – я же еще в самый первый день, когда ты приехала, сказала, что меня можно использовать как справочное бюро. За свою жизнь я, слава Богу, узнала в этом городе почти всех людей, которые хоть чем-то да выделяются из общей массы. А если не знаю кого-нибудь сама, то у нас наверняка найдутся общие знакомые.

Это действительно было правдой. По роду своей деятельности – преподавания в юридическом институте – тетушка Мила знала всех и вся, причем не только с официальной, так сказать, стороны.

Моя тетя также читала лекции в академии МВД и общалась со следователями, которые отсиживали у нее семинары по психологии, консультировала она и судейский корпус; приблизительно два раза в год ее приглашали просветить по тому или иному вопросу работников местного партаппарата, а в новейшее время – чиновников городской и областной администрации.

А поскольку тетя Мила была на редкость общительным и любознательным человеком, то она постоянно была в курсе всего мало-мальски значительного, что происходило в нашем городе.

– Тебе разве не говорили в твоей шпионской академии, что все люди на земле знакомы через цепочку в пять человек? – с иронией поинтересовалась тетя.

– Я в курсе, тетушка, – заверила я ее в своей компетентности. – Вот и давайте восстановим эту цепочку относительно Штайнера. Возможно, она будет включать гораздо меньше звеньев.

– Конечно, солнышко, – согласилась тетя Мила. – Пожалуй, всего два.

Она отложила книгу и, сняв очки, стала протирать стекла специальной тряпочкой из голубой замши, которая всегда лежала у нее в кармане халата.

– Я мельком пересекалась с одной дамой, близкой к театральным кругам, у нее были неприятности с сыном, и требовалось найти хорошего адвоката, который не взял бы много денег. Разумеется, я ей помогла, и мы пару раз пили чай у нее дома. Помнится, она подарила мне тогда подписку на Эда Макбейна...

Здесь тетушка на секунду прервала свой рассказ, бросив взгляд на книжные полки.

Судя по количеству томов этого солидного подписного издания, Эд Макбейн обеспечил тетушку Милу чтивом недели на две.

– Ну так вот, – продолжила Мила. – Эта женщина рассказывала про местный драматический театр, про то, что у государства нет денег, чтобы подготовить новую постановку по Чехову, про сложности с реквизитом, про то, как дирекция отчаянно ищет спонсора среди бизнесменов. И вот спонсор был найден. Им оказался этот самый Штайнер, который, по словам моей знакомой, был на редкость интеллигентным человеком, не то что эти «новые русские». Во всяком случае, у театра с ним проблем не было и деньги он давал чуть ли не с радостью. Впрочем...

Тут тетя Мила снова умолкла, склонив голову набок, словно что-то припоминая.

– Впрочем, есть одна тонкость... – неуверенно произнесла она. – Я даже не знаю, стоит ли об этом упоминать...

– Почему же нет?

– Потому что я не уверена, что это правда, – ответила тетя.

– Ну и что? – пожала я плечами. – Нас учили не только тому, что все знакомы друг с другом через пять человек, но и тому, как следует работать с недостоверными источниками информации.

– То есть?

– К примеру, человек сообщает тебе заведомо ложные сведения. Если ты знаешь, что он врет, то правду можно вычислить с точностью «до наоборот», – пояснила я. – Этот прием, Впрочем довольно топорно, используется в различных фильмах про наших шпионов, то есть разведчиков. «Вариант „Омега“» припоминаете?

– Да, – кивнула тетушка, – там еще такой Олег Даль с тросточкой по Таллину ходит и полощет рот водкой, чтобы все думали, что у него запой. Но ведь там шла речь о дезинформации. А какое отношение к работе с недостоверными источниками имеют обычные сплетни?

– Самое что ни на есть прямое, – заверила я тетушку. – Сплетни, независимо от того, истинны они или ложны, – это легендарный ореол вокруг того или иного человека. Сплетня четко фиксирует, чего ждет публика от данного персонажа, и уточняет отношение к нему окружающих, дает его, так сказать, отражение.

– Пожалуй, я согласна с тобой, – одобрительно посмотрела на меня Мила. – Ну так вот, насчет Штайнера поговаривали, что он стал спонсировать местный драматический театр не только из-за бескорыстной любви к русской культуре. Был у него якобы и свой интерес.

– Кто-то из актрис?

– Совершенно верно, – наклонила голову тетя. – Говорили, что у него роман с Ниной Петровской. При старом режиссере она всегда была на вторых ролях, а когда руководство сменилось – и это, кстати сказать, совпало с периодом кризиса в театре и появлением Штайнера в роли постоянного спонсора, то Петровская стала получать главные роли чуть ли не во всех новых постановках. А репертуар обновился на девяносто процентов.

– Что ж, история кажется мне вполне правдоподобной, – согласилась я.

– Есть еще один нюанс, – добавила тетя. – Нина Петровская вскоре развелась с мужем. Он у нее тоже был бизнесменом, но каким-то неудачливым. Бывает ведь такой тип – за что ни возьмется, все получается как-то не так...

– А намерения самые благородные, – продолжила я ее мысль.

– Вот именно. Но все складывается наперекосок, и человек, вместо того, чтобы задуматься, а почему, собственно, у него так получается, рвется в новый бой со старым оружием, – развела руками тетя Мила. – А потом выясняется, что твоя жена не намерена терпеть все это дальше и у нее уже есть новый партнер. И человек получает отставку, теряя жену и дочь.

– Но Штайнер не женится на ней, – продолжила я мысль тетушки.

– Да, – согласилась Мила. – Он предпочитает оставаться на положении богатого друга семьи. Впрочем, и Нина, и Гера..

– Кто?

– Генрих Штайнер, – пояснила тетушка. – Знакомые переделали его имя и зовут просто Герой. Так вот, и Гера, и Нина – свободные люди и, с точки зрения строгой морали, супружеской измены тут нет. А у самого Генриха жена умерла еще в Казахстане, если я не ошибаюсь. От брака осталась дочь. Послушай, дорогуша, а не она ли тебе вчера названивала?

Я рассмеялась.

– У вас, тетушка, не голова, а сверхчувствительный компьютер.

– Впрочем, твои дела меня не касаются, – зевнула тетя Мила. – Буду ложиться спать – уже поздно. Нужно как следует выспаться.

И она кивнула на тумбочку возле кровати, на которой возлежал приготовленный на завтра фолиант, сравнимый по толщине с «Анной Карениной».

* * *

Утро, вопреки прогнозам синоптиков, снова выдалось ясным и солнечным. Казалось, что устоявшаяся в нашей области жара не хочет без боя, за просто так, уступать свое место какому-то залетному урагану.

Выскочив из кровати – я всегда просыпалась за несколько секунд до того, как зазвонит будильник, привычка, приобретенная во время полевых учений, – выглянула в окно и убедилась, что за ночь деревья в нашем дворе не повырывало с корнем.

Я уже успела привыкнуть к огромным тополям и кленам и, зауважав эти сильные деревья с крепкими стволами, прониклась симпатией к недавно въехавшей в третий подъезд соседке. Она методически, каждое утро поливала с третьего этажа деревья из толстого шланга, подсоединенного к крану кухни. Хотя остальные жильцы дома, наблюдая эту водную процедуру, недоуменно хмыкали и крутили пальцем у виска.

Мой утренний комплекс зарядки занимал минут тридцать.

Затем следовали контрастный душ и пять минут глубокого сосредоточения с аутосуггестивными формулами, направленными на поддержку бодрого и внимательного состояния сознания в течение дня. Существовал еще специальный комплекс вечерних упражнений, он преимущественно был направлен на профилактику – «вымывание» из психики отрицательных эмоций, скопившихся в течение дня, и особый настрой во время сна, активизирующий работу подсознания.

Затем последовал легкий завтрак, кофе и сигарета. В течение дня я позволила себе прогулку до ближайшего лотка с видеокассетами и купила «Телохранителя». Фильм конечно же не Бог весть какой, но мне захотелось его пересмотреть на предмет некоторых деталей перед сегодняшним визитом в дом Генриха Штайнера.

Затем я нашла на полке кассету с документальным фильмом, в котором работники секьюрити кинозвезд делились опытом своей нелегкой работы.

Как и следовало ожидать, по сравнению с художественным фильмом реальная жизнь охранников оказалась гораздо проще и грубее.

Замотанные бодигарды – русский язык скомкал наименование их профессии до «богартов» – делились со зрителями своими проблемами. Тут были и причуды кинозвезд, и наглые фанаты, и хищные маньяки.

Честно говоря, жаль было прежде всего объект охраны, который уже не может просто так пройтись по улицам или потанцевать на дискотеке – только в плотном кольце вооруженных, ежесекундно оглядывающихся охранников со зверски-озабоченным выражением на лицах.

Меня же сегодняшним вечером ожидала куда более серьезная работа. Объект охраны – Генрих Штайнер – не должен был догадаться, что он находится под моим пристальным наблюдением.

Если говорить честно, то вряд ли я смогла бы обезопасить Штайнера от возможного покушения, если бы не обещание Джули постоянно находиться рядом с отцом. А я, как дотошная учительша, в свою очередь, не должна была ни на шаг отходить от своей ученицы, поведение которой я якобы проверяю.

Конечно, я не смогу выполнять свою работу столь же качественно, как в том случае, если бы сама поговорила обо всем со Штайнером и предупредила его об опасности.

Но... Но тогда почему я согласилась на предложение Джули?

Задав себе этот простой вопрос, я не смогла сразу же ответить на него. То, что вчера вечером казалось само собой разумеющимся, сегодня утром требовало новых убедительных аргументов.

Наконец я поняла, в чем тут дело, и озабоченно покачала головой.

Ай-яй-яй, Женя, ты поймалась на такую простую наживку! Кто бы мог подумать, что ты так тщеславна! А ведь на первый взгляд не скажешь.

Если быть честной перед собой – на самом деле крайне редкое состояние сознания, – то следовало признать неутешительный факт: я хотела выполнить сверхсложную задачу, чтобы еще раз подтвердить себе профессиональную состоятельность.

Еще бы! Может ли простой бодигард на все сто процентов соответствовать своей роли в тех условиях, в которых буду находиться я на званом вечере?

Ответ прост и однозначен: нет. А, значит, я хотела прыгнуть выше собственной головы.

Это желание само по себе не Бог весть какой проступок, но лишь в том случае, когда оно касается только одного человека – Жени Охотниковой.

А самоутверждение за счет других – в данном случае Генриха Штайнера, которому, судя по вчерашнему состоянию Джули, угрожала нешуточная опасность, – это уже почти должностное преступление.

Понятно, что никто меня на должность телохранителя не назначал, и я сама «назвалась груздем». Но ответственность перед собой едва ли не тяжелее, чем перед любым работодателем.

«Надо как-то изменить эту ситуацию, – решила я. – Так дело не пойдет».

С одной стороны, я не могла отказаться от предложения Джули. С другой – не могла согласиться с условием собственного инкогнито.

И я сделала единственно возможный в данной ситуации вывод.

Мой клиент – Джуля. Но она – своего рода посредник по отношению к главному клиенту – Генриху Штайнеру.

Я отвечаю за безопасность Генриха. Я отвечаю перед Джулей за сохранение инкогнито.

Что важнее – моя маска учительницы или безопасность Штайнера? Стоит ли ломать голову над ответом на такой простой вопрос?

Значит, я должна поговорить с Генрихом и рассказать ему то, о чем умалчивает его дочь. Джуля, конечно, будет на меня сердиться, но, думаю, она должна понять всю серьезность ситуации.

И, в конце концов, Юлия Штайнер еще несовершеннолетняя. Следовательно, она нуждается в контроле и вряд ли может свободно принимать столь важные решения, когда речь идет о жизни и смерти.

Кроме того, меня серьезно смущало то обстоятельство, что моя юная клиентка сама будет распоряжаться крупными денежными средствами, пусть даже из собственного кармана.

Итак, решение принято.

Стрелка часов уже приближается к двум, и мне пора начинать сборы.

Без чего трудно представить себе женщину практически в любой ситуации?

Правильно, без сумочки.

А что обычно лежит в этой сумочке? В обыденном представлении – груда бесполезных, с точки зрения мужчины, вещей, причем вперемешку.

Вот и мы не будем рассеивать такую удобную для меня иллюзию. Заполним эту в меру изящную емкость, отделанную кожей «под крокодила», массой разнообразных причудливых.

Например, моя любимая головная щетка. На вид – обычный ширпотреб довольно вульгарного исполнения. Но в ее ручку вмонтирован баллончик с нервно-паралитическим газом. Очень удобно для нейтрализации объекта, скажем, в лифте. Кабина, снабженная зеркалом, тихо ползет вверх, вы якобы намереваетесь причесаться, а на самом деле выводите из строя своего спутника, который имеет по отношению к вам недобрые намерения.

А еще больше мне нравится вот эта авторучка, корпус которой стилизован под «Паркер». Но если вы попадетесь ее владельцу под горячую руку, то имеете шанс получить пулю. Всего одну пулю, разумеется. Но многим хватает и одной.

Если же стрелять не очень хочется, можно использовать еще одно приспособление – тушь для ресниц с кисточкой, в которой размещается игла, вызывающая мгновенное онемение той части тела, в которую ей посчастливится вонзиться, – например, руки с пистолетом.

И особо любима мной губная помада – отвинтив крышечку у ее основания, вы можете погрузить пространство на двадцать метров вокруг себя в густой непроницаемый дым плюс желтые языки «огня», который на самом деле вполне безопасен для жизни. Этот милый пиротехнический эффект не раз выручал меня, когда требовалось имитировать пожар в помещении. Действует безотказно, а стоит всего сорок баксов – у меня дома целый ящик подобных игрушек.

Ну вот, кажется, и все. Теперь примемся за внешность. Значит, Женя Охотникова должна на этот вечер предстать перед почтеннейшей публикой в роли преподавательницы этикета, особы наверняка не очень продвинутой, но с претензиями на светскость – так я ее вижу.

Тут все решат тени и крем-пудра. Скажем, чуть темноватый оттенок персикового цвета оттенит глаза. Ага, получается нечто среднее между деловитостью натуры и личным неблагополучием в жизни.

Прекрасно. Теперь нанесем немного крема на скулы и чуть подпустим румянца. Пожалуй, сойдет. Нацепим очки, а вслед за ними определенное выражение лица. Пусть мой сегодняшний персонаж как бы говорит: «Я еще могу устроить мужчине пылкую африканскую ночь, но где же они, черт возьми, настоящие мужчины?»

В более интимных компаниях такие дамы обычно под вечер напиваются и становятся легкой добычей представителей противоположного пола, а поутру с ужасом убегают в свою нору и корят себя за проявленную «минутную слабость».

Но сегодня компания ожидается совсем другая, поэтому придадим форме губ строгий силуэт. Да-да, подойдет именно эта помада приглушенного тона.

Дальше – одежда. Блюстительница этикета, которую я представляю, должна быть все время на виду и вместе с тем оставаться почти незаметной.

Идеальный цвет для такой роли – темно-синий. Юбка чуть ниже, чем нужно, и белая блузка под синим жакетом. Прекрасно! Даже если в такой прикид обрядить невероятной красоты переводчицу при какой-нибудь стареющей кинозвезде, на нее никто не обратит внимания и все фотокамеры корреспондентов будут прикованы к перенесшей шестнадцатую пластическую операцию кинодиве пятидесятих.

* * *

Я подошла к офису фирмы на полчаса раньше назначенного Джулей срока.

Привычка обязательно изучать месторасположение предстоящей акции обязывала тщательно осмотреть здание, входы-выходы и на глаз оценить данную территорию с точки зрения бойца отряда «Сигма», каковым я некогда и была. Хотя теперь я являюсь сугубо частным лицом, но со старыми привычками курсанта разведгруппы не рассталась.

Контора Генриха Штайнера занимала первый этаж дома хрущевской постройки и, очевидно, была выкуплена с отселением жильцов.

Я насчитала два подъезда с фасада, причем один явно не отпирался длительное время – замочная скважина была забита какой-то паклей. Второй служил парадным входом, и его ступени устланы дорожки из искусственной травы, изрядно, впрочем, уже потертой.

Сзади был один черный ход, открытый, но снабженный железной решетчатой дверью с висячим замком, запирающимся изнутри.

Что касается окон, то они были снабжены уже неизбежными в современных офисах жалюзи и, судя по освещенности, прием предполагалось проводить в той части здания, которая была снабжена «нерабочим» подъездом – по-видимому, там располагался зал, к которому вел длинный коридор из центрального входа.

Усевшись в только что открывшемся после обеденного перерыва кафе, я заказала яблочный пирожок и десерт из клубники со сливками и, выбрав столик у окна, стала смотреть на подъезжающие к офису автомобили.

Одним из первых приехал довольно невзрачный «Фольксваген», навстречу которому тем не менее из здания вышло аж шесть человек.

Среди них я заметила Джулю, которая была одета довольно скромно: в короткое платьице и высокие гольфы. Не думаю, что ей очень нравился этот наряд – девица вполне могла бы щеголять в прикиде «от кутюр». И уж, во всяком случае, в ее возрасте одеваться как девочка десяти-двенадцати лет было не очень-то уместно.

Нужно будет замолвить словечко за Джулю перед ее отцом. Ага, кажется, вот и он.

Из толпы встречающих выделился человек довольно высокого роста с ярко-рыжими волосами. Он широко улыбался, поджидая гостя возле крыльца, и, когда тот подошел к ступеням, обменялся с ним крепким рукопожатием, обнял и легонько потрепал по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.